

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1961 года февраля 6 дня.

Дер. Борки.

Ст.следователь следотделения УКГБ при СМ БССР по Могилевской области капитан _____ допросил в качестве свидетеля

ЖДАНОВИЧ Наталию Федосовну, 1921 года рождения, уроженку и жительницу дер. Борки, Кировского района, Могилевской области, белоруску, гр-ку СССР, беспартийную, образование 5 классов, замужнюю, колхозницу, несудимую.

Об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу ложных показаний предупреждена по ст.ст. 134 и 136 УК БССР.

ЖДАНОВИЧ.

Свидетель ЖДАНОВИЧ заявила, что русским языком она владеет и желает давать показания на русском языке. По существу заданных вопросов показала: До Отечественной войны деревня Борки состояла из поселков: Хватовка, Дзержинский, Пролетарский, Красный пахарь, Закрыничье, Долгое поле и Борки. Я до Отечественной войны проживала в городе Могилеве и работала официанткой в школе НКВД. Как я сейчас помню, 13 июня 1941 года курсанты школы куда-то выехали, а всех работников столовой отпустили в отпуск. Я поехала домой к своим родителям, которые жили на поселке Закрыничье деревни Борки. Наш поселок примыкал к лесу и находился в полкилометре от шоссе. Когда началась война, я проживала на поселке Закрыничье. Вскоре наша местность была оккупирована немцами, и я осталась проживать на оккупированной территории.

В период немецкой оккупации, 15 июня 1942 года немецкие каратели учинили зверскую расправу над жителями всех поселков деревни Борки, в результате которой расстреляли жителей деревни и сожгли в домах. В живых остались только те, которым удалось уйти от расправы, и те, которые в тот день были в отлучке. Насколько мне помнится, из числа жителей деревни Борки осталось в живых 43 или 44 человека. В настоящее время поселков Долгое поле, Закрыничье, Красный пахарь, Пролетарский и Хватовка нет. Они после войны не отстраивались. 15 июня 1942 года немецкими карателями были расстреляны и сожжены в домах не только жители деревни Борки, но и жители других деревень, которые в тот день были в нашей деревне. 15 июня 1942 года немецкими карателями

75
было уничтожено 1800 человек. Об этом имеется надпись на памятнике, который поставлен в деревне Борки в прошлом году. Памятник поставлен на краю деревни, вблизи от кладбища.

В тот день, когда каратели уничтожали нашу деревню, я была на поселке Закрыниче, но мне удалось спастись от расправы карателей. Это было так: Как мне помнится, 15 июня 1942 года было в понедельник. В воскресенье вечером я и моя подруга ЗАГРЕБАНЕЦ Александра, придя с вечеринки, легли спать в нашем амбаре. Рано утром, на рассвете, в амбар пришла моя мать САКАШИНЕЦ Татьяна Андреевна и сказала, разбудив нас, что каратели окружают наш поселок. Мы сначала ей не поверили. Потом Александра предложила мне пойти переодеться, но я с этим не согласилась. Мы вышли из амбара. Александра пошла к себе, а я пошла в свой дом. В то время в нашем доме находились и мои сестры Ольга, 1923г. рождения, Евфросинья, 1925г. рождения, и Анна, 1908 г. рождения, с детьми: Соней тринадцати лет, Ремой, который был один год и восемь месяцев и еще одной дочерью, которая только родилась и ей еще не дали имя. Зайдя в дом, я посмотрела в окно и увидела, что со стороны шоссе шли целью каратели, окружая наш поселок. В лесу, недалеко от шоссе, находился дом лесничества, в котором жили лесничий МАРКЕВИЧ и работник лесничества КОЗЛОВСКИЙ. Через окно мне было видно, что каратели гнали перед собой по дороге от лесничества МАРКЕВИЧА с семьей и КОЗЛОВСКОГО с семьей.

Семьи МАРКЕВИЧА И КОЗЛОВСКОГО каратели остановили на улице поселка рядом с нашим домом. В это время через окно я увидела, что каратели пошли по домам жителей нашего поселка. Несколько карателей осталось охранять семьи КОЗЛОВСКОГО и МАРКЕВИЧА. К нам в дом зашли три карателя. Они были в немецкой одежде. Один из карателей сказал нам, чтобы мы выходили из дома на улицу. Моя сестра Анна сидела с родившимся ребенком на печи. Каратель приказал ей взять с собой ребенка. Вся наша семья вышла на улицу. К этому времени другие каратели выводили жителей поселка из домов и всех собрали в одном месте посреди поселка. Каратели были вооружены винтовками и автоматами, все каратели, которых я видела на поселке, были в немецкой одежде. Среди карателей были немцы и русские. Это я знаю потому, что некоторые каратели разговаривали по-немецки, а некоторые - по-русски. Были ли у них головные каски не помню.

Собрав всех жителей поселка, каратели повели нас в конец поселка. В конце поселка каратели нас остановили, так как приехал какой-то офицер на мотоцикле со стороны поселка Долгое поле. О том, что этот каратель был офицером я определяю потому, что у него на фуражке была кокарда. Офицер что-то сказал карателям по-немецки, и сам уехал обратно в направлении поселка Долгое поле. После его уезда каратели командовали нам повернуться и идти обратно. Как только поравнялись с первым домом, один из карателей спросил по-русски кто хозяйка этого дома. Хозяйка вышла из толпы и хотела идти в дом, но каратель ее не пустил и несколько раз ударил палкой. Кто-то из карателей дал команду заводить в дома по восемь человек. Два карателя взяли из толпы восемь человек и повели в дом. Из толпы брали взрослых и детей. Как только каратели завели людей в дом, сразу же в доме раздались выстрелы. Я поняла, что каратели расстреливают жителей поселка, заведенных в

дом. Из первого дома чей-то мальчик бросился бежать. Каратели открыли по нему огонь и убили его. Другие два карателя взяли из толпы восемь человек и повели в другой дом. Так каратели заводили в дома по восемь человек и там их расстреливали. В каждый дом граждан заводили по два карателя. Из домов слышался крик, плач и стон. Также плакали и те граждане, которых каратели вели по улице, перед тем как заводить в дома. Это была жуткая картина, о которой сейчас очень тяжело вспоминать и рассказывать.

Я попала в свой дом. В нашем доме оказалось 20 человек вместе с детьми. Я тогда считала, кто оказался в нашем доме, но сейчас не вспоминаю. Но мне хорошо запомнилось, что в нашем доме оказалось вместе с детьми 20 человек. Я заходила в дом первой и оказалась около окна. Вслед за нами в дом зашли три карателя и остановились на пороге. В нашем доме оказался военнослужащий Советской Армии, оказавшийся на оккупированной территории и проживавший на нашем поселке, по имени Василий, фамилию его не знаю. Он оказался вблизи порога. Когда каратели зашли в дом и стали на пороге Василий хотел что-то сказать карателям. Один из карателей наставил в ухо Василия автомат и выстрелил. Василий упал на пол. Я продолжала стоять около окна. Убив Василия, каратель что-то сказал по-немецки, обращаясь к другим карателям, а затем начал стрелять из автомата по находившимся в доме гражданам. Как только он начал стрелять, я упала. В доме поднялся крик и послышались стоны. Я почувствовала, что ранена в кисть правой руки. Впоследствии оказалось, что пуля застряла в кисти руки, а также была ранена и в левую руку: одна пробила кожу около кисти, а другая пуля пробила мякоть выше локтя. О том, что я была ранена и в левую руку сразу не почувствовала. О ранении левой руки я почувствовала, убежав из деревни в лес.

Когда все находившиеся в доме, после выстрелов карателя из автомата, упали на пол, каратели собрались уходить из дома. В это время заплакала, оказавшаяся под кроватью, дочь моей сестры Анны, которой был один год и восемь месяцев. Один из карателей подошел к кровати, поднял одеяло и выстрелил из пистолета или нагана в голову девочки. Она затихла. Это я видела лично. После этого каратели из дома ушли.

В доме слышался стон, так как некоторые граждане, находившиеся в доме, были только ранены. Я приподняла голову и спросила кто живой. Из-под кровати вылезла моя подруга САКАДЫНЕЦ Нина Леоновна. Она оказалась невредимой. Вслед за ней выползла моя сестра Ольга, она была ранена в грудь и живот. В доме на трупе убитых лежала сестра Ефросинья. Она также оказалась раненой. Ей пуля попала в лопатку, вышла в рот, выбила два зуба и застряла в челюсти. Уже потом, когда мы прятались в ямке под полом, Ефросинья вынула из челюсти пулю и бросила ее. Когда Нина выползла из-под кровати, я ей предложила поднять доску пола и спрятаться под полом. Мы подняли доску пола и залезли в ямку под полом. Под пол залезли также и мои сестры Ольга и Ефросинья.

77

Доску пола за собой мы закрыли. Закрывая доску положили на ее одеяло, так как залезая под пол вымазали доску кровью. Находясь под полом, я слышала как в доме стонали раненные, некоторые просили воды. Каратели несколько раз заходили в дом и выходили. Мне было слышно, как каратели заходили в дом. Услышав, что каратели идут в дом, я из-под пола говорила, что в дом идут каратели и раненные замолкали. Каратели, заходившие в дом, забрали вещи. Пол в нашем доме имел щели. Я лежала в ямке так, что мне через щель была видна часть дома. Я видела как жена МАРКЕВИЧА, оказавшаяся в нашем доме, поднялась с пола, подошла к окну, а затем легла на то же место, где лежала. Заметно было, что она ранена. Зашедший в дом каратель, заметив, что МАРКЕВИЧ еще жива, подошел к ней, достал из кобуры оружие и убил ее. Это я видела через щель. Сколько времени мы лежали в ямке под полом не помню. Боясь, чтобы каратели нас не нашли, я и Нина выползли из ямки и заползли под полом к стенам дома. Не помню через сколько времени в дом зашло несколько карателей. Они разговаривали по-русски. Их разговор был слышен. Каратели говорили, что все готово, осталось только поджечь дома. Кто-то из карателей принес сена, положил на трупы и поджег. В это время Нина и я приползли в ямку. Через щели в полу на нас падало горевшее сено. Мы пробовали залезть под печь, но это сделать нам не удалось. После этого я предложила Нине вылезти из-под пола и бежать, сказав, что лучше погибнуть от пули, чем сгореть живыми. Я и Нина подняли доску и вылезли из-под пола в дом. В доме уже горели стены. Нина и я вышли из дома и побежали полем в лес, взявшись за руки. Полем мы бежали около километра. Стреляли ли по нам каратели не помню. Убегая, я посмотрела назад и увидела, что все поселки нашей деревни горели. Прибежав на опушку леса, я почувствовала боль в левой руке и узнала, что ранена и в левую руку. Я пыталась обратно уйти на поле, чтобы меня убили каратели, но Нина задержала меня и уговорила. После этого мы пошли в глубь леса. Подошли к шоссе Могилев-Бобруйск, с намерением перейти шоссе и уйти в деревню Колбово. В это время каратели гнали по шоссе в направлении деревни Чечевичи скот жителей нашей деревни, и мы побоялись переходить шоссе. Мы отошли от шоссе. Через некоторое время мы опять подошли к шоссе с тем же намерением. По шоссе шла легковая автомашина и ехали два мотоциклиста. И в этот раз мы не решились перейти шоссе. Ночь пробыли в лесу. На следующий день утром перешли шоссе и пришли в деревню Колбово. В этой деревне я перевязала свои раны и мы ушли в лес около деревни Немки.

Здесь мы прожили около двух месяцев. Затем ушли в лес к деревне Кобылянка и там жили вместе с жителями деревни Кобылянка. Осенью 1943 года я и Нина ушли в партизанский отряд № 100, где находились до изгнания немцев с нашей местности.

Как я потом узнала, моя сестра Ефросинья, также вылезла из ямки под полом после меня и Нины, выползла из дома и легла метрах в двадцати от дома во ржи. Она лежала во ржи пока сгорел дом. Потом заползла в палисадник около дома и там лежала до вечера.

78
Вечером, когда каратели не было, она увидела шедшего по улице поселка односельчанина ХУДОВЕЦ Степана, отчество не помню, которого впоследствии убили немцы. ХУДОВЕЦ Степан также убежал от карателей и был ранен. Моя сестра позвала ХУДОВЕЦ, и они вдвоем провели ночь на пожарище нашего дома под печкой. На следующий день ХУДОВЕЦ доставил мою сестру в лес около деревни Немки, где я встретилась с сестрой, и она мне об этом рассказала. Сестра прожила пять недель и умерла от заражения крови. Сейчас не помню через сколько дней я ходила из деревни Немки на свой поселок Закрыничье. К моему приходу кости на пожарищах были убраны и закопаны. Это сделал спасшийся мой двоюродный брат КОЗЛОВСКИЙ Максим. Из членов нашей семьи спаслась только одна я, а остальные погибли от карателей: сестра Евросинья умерла от ран, мать, сестра Ольга, сестра Анна с троими детьми и брат, проживавший на поселке Борки сожжены.

Потом мне рассказали, что каратели в тот день собрали в деревне Борки всех полицейских деревни с их семьями, закрыли в сарай и сожгли. Кто мне об этом рассказывал сейчас не помню.

Кто такие были каратели, которые учинили зверскую расправу над жителями нашей деревни, не знаю. Как я уже показала среди карателей были русские и немцы, все они были в немецкой одежде.

Каратели, которых я видела, для меня были незнакомые, личности их я хорошо не приметила и в настоящее время никого из них опознать не могу. Были ли она одежде карателей какие-либо знаки сейчас не помню.

Уже потом я пользовалась слухами, но от кого не помню, что расправу над жителями нашей деревни учинили карательный отряд БАРЧИКА, находившийся в деревне Чечевичи, которая на расстоянии 12 километров от нашей деревни, и немецкий карательный отряд, прибывший из города Могилева. Кто командовал карательным отрядом, прибывшим из города Могилева, не знаю. О Дирлевангере мне ничего неизвестно. Кто такой был Дирлевангер не знаю. Слышала ли я ранее фамилию Дирлевангер из-за давности времени не помню. Барчика я не знала. Из числа лиц, служивших в карательном отряде Барчика, я также никого не знала. Больше показать ничего не могу. Протокол допроса мне прочитан, показания с моих слов записаны правильно. ЖДАНОВИЧ

Допросил: Ст.следователь следотделения УКГБ
по Могилевской области капитан

КОПИЯ ВЕРНА: Ст.следователь следотдела КГБ при СМ
БСС Р капитан

СПРАВКА: Подлинник находится в архиве уголовного дела №
по обвинению и других т.
хранящемся в УКГБ БСС.

